

Из-за резкой выходки Хань Жуя во время пятикилометрового кросса его едва наладившиеся отношения с ребятами из первого отделения снова дали трещину. Он обошёлся с Чжан Шуаем слишком грубо, и хрупкое перемирие рухнуло.

Шэн Синъюань только диву давался, глядя на это феноменальное умение наживать врагов на ровном месте. И смех и грех.

Если вспомнить поведение Хань Жуя во время того забега, он и правда вёл себя странно, словно сам был не свой. Синъюань порывался расспросить его, но ледяная мина, с которой тот ходил последние дни, мигом отбивала любое желание лезть в душу.

«Ну и упрямец. Не хочет говорить — не надо, силой не вытянешь. Рано или поздно всё равно узнаю»

На тренировочном поле Чжан Шуай в очередной раз штурмовал полосу препятствий, отрабатывая ползание по-пластунски. То ли от природы ему не хватало гибкости, то ли сказывалась плохая координация, но этот норматив никак ему не давался. Каждая попытка заканчивалась одинаково: его форма раз за разом трещала по швам, цепляясь за колючую проволоку.

— Чжан Шуай! — окликнул его Шэн Синъюань, подходя ближе вместе с Лянь Чжиги.

Рядом надрылся Ян Сяоху, пытаясь подбодрить товарища.

— Командир! — первым заметил их Сяоху.

— Ну как успехи? — Шэн Синъюань опустился на корточки, с сочувствием глядя на измывавшегося в грязи бойца.

Ян Сяоху лишь тяжело вздохнул:

— Да какое там... У него задница торчит так, словно его туда рой пчёл искусал. Сколько ни пинай — всё равно кверху задирает.

Шэн Синъюань обошёл полосу препятствий и встал у финиша. Как раз в этот момент Чжан Шуай дополз до черты. На самом видном месте его штанов красовалась свежая дыра, сквозь которую сиротливо торчала белая ватная подкладка.

Синъюань покачал головой, едва сдерживая смех:

— Чжан Шуай, горе ты моё. Пашешь больше всех в отделении, а как зачёт — так опять в хвосте. И ругать тебя язык не поворачивается, и хвалить не за что!

Увидев, что командир не сердится, Чжан Шуай виновато улыбнулся и почесал затылок:

— Да глупый я просто, товарищ командир.

— Глупости не говори! — Шэн Синъюань шутливо отвесил ему щелбан. — Нет здесь глупых. Просто тебе нужно чуть больше времени, чтобы втянуться.

— Вот именно! — Лянь Чжиги бесцеремонно ткнул пальцем в дыру на штанах приятеля и хохотнул: — По части усердия у нас в отделении тебе равных нет.

— Всё равно... Куда мне до того же Хань Жуй...

Ян Сяоху тут же перебил его:

— Слышь, Шуай, завязывай ты поминать этого барчука! Забыл уже, как он тебя на кроссе дерьмом облил?

— Да ведь я сам виноват был, вещмешок нормально закрепить не смог...

— Да хоть бы и так! Ну физически он развит получше, а толку-то, если как человек — говно? — фыркнул Сяоху. — Нам такие товарищи даром не нужны. Вот ты — настоящий бро, с тобой хоть в разведку.

— Ну ладно тебе... — Чжан Шуай смущённо качнулся с ноги на ногу и простодушно заулыбался.

— Ребят, Хань Жуй тогда действительно перегнул палку. Я извиняюсь за него перед тобой, — серьёзно произнёс Шэн Синъюань.

— Да бросьте, командир, не надо! — замахал руками Чжан Шуай.

— Командир, вы-то тут при чём? — недовольно вмешался Лянь Чжиги. — Какого чёрта вы за этого капризного барчука отдуваетесь? Нечего с ним нянчиться. Слава богу, после распределения мы его больше не увидим. А не то я бы ему популярно объяснил, как себя вести, чтоб потом до конца службы на лекарства работал.

— Перегибаешь, Чжиги, — мягко осадил его Синъюань. — Я понимаю, что вы на него злы. Но поверьте, Хань Жуй вовсе не плохой парень. Правда.

— Ага, только вы в нём золото и видите! — хмыкнул Ян Сяоху. — Командир, вы всё-таки наше отделение возглавляете. А когда Хань Жуй при всех смешал Чжан Шуая с грязью, вы его даже

не наказали нормально, так, пожурили малость для виду. Несправедливо это, вы ему явно потакаете.

— И что ты предлагаешь? Подвесить его на плацу и высечь перед строем? — Шэн Синъюань насмешливо выгнул бровь.

— Ну зачем сразу высечь... — замялся Сяоху. — Но держаться от него подальше вы же можете? Мы тут вообще-то ваши боевые товарищи, а он держится особняком, будто мы ему не ровня.

— Если ещё и я от него отвернусь, как думаешь, долго он здесь продержится? — вздохнул Синъюань.

— Да плевать на него! — отрезал Сяоху.

— Зря ты так, Сяоху, — Синъюань подошёл и примиряюще хлопнул парня по плечу. — Что бы вы ни думали, Хань Жуй — нормальный парень. Просто сложный.

Ян Сяоху недовольно отвернулся, надувшись.

— Да, характер у него скверный, колючий, и на язык он несдержан, — вздохнул Шэн Синъюань. — Но если отбросить эмоции: он хоть раз подставил отделение? Сделал хоть что-то, что навредило бы кому-то из нас?

Бойцы переглянулись, призадумались и нехотя покачали головами. Нет, такого за Хань Жуюем не водилось.

— Мне кажется, его замкнутость идёт из семьи, — негромко продолжил Шэн Синъюань. Заметив, что ребята притихли, а Сяоху снова повернул к нему голову, он добавил: — Помните, перед Новым годом рота устраивала созвоны с родными?

Парни кивнули. Тот день помнили все — каждый рвался услышать голоса близких.

— Так вот, Хань Жуй тогда подошёл ко мне и сказал, что ему звонить некому. Вообще некому. У него нет ни семьи, ни друзей, ни единой живой души на всём белом свете.

В голосе Синъюаня послышалось искреннее сочувствие.

— Да ладно... Как так-то? — Ян Сяоху растерянно нахмурился.

— Совсем никого не осталось? — Чжан Шуай тоже расстроился. — Командир, вы скажите ему... Ну, если у него опять на душе прижмёт, пускай на меня кричит. Я не обидчивый, кожа у меня

толстая, вытерплю!

— Надо же... Ходит вечно с таким надменным видом, будто пуп земли, а оно вон как, — задумчиво протянул Лянь Чжиго.

— Только упаси вас бог показать ему жалость, — строго предупредил Шэн Синъюань. — Хань Жуй жутко гордый и ранимый. Если он заподозрит, что вы его жалеете, это только всё испортит. Я прошу вас не о сочувствии, а просто о терпении. Будьте чуточку снисходительнее, ладно?

— За это не переживайте, командир! Всё сделаем! — Чжан Шуай с готовностью ударил себя кулаком в грудь.

— Да я-то что, я не злопамятный, — буркнул Лянь Чжиго, почесав макушку.

— Ну а я... — Ян Сяоху понял, что остался в меньшинстве, и шутливо развёл руками. — Я-то из-за Шуая бунтовал. А если уж сам пострадавший зла не держит, то мне и подавно ловить нечего. Хрен с ним, проехали.

— Вот и отлично, — улыбнулся Шэн Синъюань, почувствовав, как с души спал тяжкий груз. — Спасибо вам, парни.

Хань Жуй понятия не имел о том, что Синъюань провел с отделением разъяснительную беседу. Он лишь недоумевал, почему сослуживцы внезапно сменили гнев на милость и перестали бросать на него косые взгляды.

Если честно, он и сам жалел о своей вспышке во время кросса, но избыток гордости мешал подойти и извиниться. С Чжан Шуаем всё было проще — Хань Жуй действительно считал его недотёпой и, сорвавшись, просто выпустил пар. Сложнее всего было наладить отношения с Шэн Синъюанем. Ему отчаянно хотелось объясниться, но дурацкая упрямость держала язык за зубами. В итоге между ними выросла стена молчания. Лишённый дружеской поддержки, Хань Жуй мог лишь со стороны наблюдать, как Синъюань весело перешучивается с остальными ребятами. От этого зрелища на душе становилось совсем тошно.

«И что теперь делать?»

Вечером он устроился на бетонной плите неподалёку от казармы и тоскливо уставился в пустоту.

— Красиво сидишь. Луной любишься? — тихонько подобрался к нему Шэн Синъюань.

Хань Жуй вздрогнул от неожиданности, но оборачиваться не стал. Лишь плечи едва заметно напряглись.

Синьюань с негромким смешком примостился рядом на бетонный край.

— О чём задумался?

— Ни о чём, — буркнул Хань Жуй, стараясь придать голосу безразличие.

— Ночь сегодня славная, — Шэн Синьюань запрокинул голову.

В небе сияла яркая круглая луна — точь-в-точь как во время их самого первого ночного разговора по душам.

— Угу, — неопределённо кивнул Хань Жуй.

— И это всё? Ничего больше сказать мне не хочешь? — мягко улыбнулся Синьюань.

В серебристом лунном свете черты его лица казались удивительно мягкими и тёплыми.

— А что я должен сказать? — Хань Жуй отвернулся, пряча смущение.

— Почему ты тогда сорвался на кроссе?

— Просто так. Нашло что-то.

— Хань Жуй, я ведь знаю, что ты не стал бы кричать на ребят без причины, — мягко, но настойчиво произнёс Синьюань.

Хань Жуй почувствовал, как к щекам приливает жар. Ему было стыдно за свою несдержанность, но то, как бережно Синьюань пытался его понять, согревало сердце.

— Глупость это всё на самом деле...

— Ну, раз глупость, тогда я пошёл спать, — Синьюань в шутку опёрся ладонями о плиту, делая вид, что поднимается.

— Поймай! — Хань Жуй порывисто схватил его за руку, не давая встать.

Тонкие, сильные пальцы Хань Жуя в полумраке казались высеченными из матового мрамора. Синьюань скользнул взглядом по его лицу, затем опустил глаза на их сплетённые ладони и негромко рассмеялся:

— Эй, полегче. Не сбегу я, честно.

— Кхм... — Хань Жуй смущённо отдернул руку и спрятал её в карман брюк. — Извини. Я не хотел...

— Да ладно, пустяки, — отмахнулся Синъюань.

— Нет, я про кросс. Я не должен был тогда орать на Чжан Шуая.

— Вот оно что, — кивнул Шэн Синъюань, внимательно его слушая.

— Насчёт распределения в части... — Хань Жуй отвёл взгляд в темноту.

— И?

— Я ходил к командиру роты, к У Тао.

— Спросил, сможем ли мы служить вместе. Он сказал... если мы оба сдадим все выпускные нормативы на «отлично», то шанс есть. Нас могут направить в одну роту.

Договорив, Хань Жуй замер, упрямо глядя перед собой и не решаясь повернуться к собеседнику.

Синъюань опешил. До него не сразу дошёл смысл этих сбивчивых слов.

— погоди. «Мы» — это... ты и я?

Хань Жуй молча кивнул, кончики его ушей предательски порозовели.

Шэн Синъюаня захлестнула странная смесь нежности и лёгкого недоумения.

— Неужели ты так сильно хочешь, чтобы нас распределили в одно место?

Лицо Хань Жуя мгновенно окаменело. То, что было для него невероятно важным, о чём он думал дни и ночи напролёт, Синъюань воспринял как шутку. Сердце болезненно сжалось от обиды. Он резко поднялся на ноги.

— Теперь уже не хочу! — отрезал он ледяным тоном.

— Да стой же ты! — Синъюань мгновенно перехватил его за запястье и потянул обратно. — Извини, я глупость ляпнул. Не обижайся.

— Отпусти! — Хань Жуй попытался вырвать руку.

— Хватит дуться! — Синъюань сжал пальцы крепче, не давая ему уйти. — Я ведь просто растерялся от радости! Правда, я очень рад!

— Врёшь, — Хань Жуй недоверчиво прищурился, но вырываться перестал.

— Честное слово, — в глазах Синъюаня светилось неподдельное дружелюбие.

Хань Жуй долго всматривался в его лицо, пытаясь отыскать следы насмешки, но в конце концов тяжело вздохнул и неохотно опустил обратно на бетонную плиту.

Шэн Синъюань мысленно перевёл дух.

«Ну и характер у тебя, Хань-е. С тобой как по минному полю ходишь»

Впрочем, капризы капризами, а вопрос с распределением действительно стоило обдумать посерьёзнее.

После того ночного разговора Хань Жуй больше не заводил речь о будущей службе, но Синъюань без труда читал по его глазам: тот по-прежнему отчаянно надеялся, что их не разведут по разным частям.

«Неужели мы правда проведём всю службу бок о бок?» — Шэн Синъюаня одолевали смутные сомнения. Позаботиться о парне три месяца в учебке — это одно дело, тут он не возражал. Но перспектива провести в таком тесном контакте три года в регулярных войсках слегка пугала.

Да, Синъюань по натуре был парнем отзывчивым, понимающим и надёжным, но святым он точно не был. Он ценил личные границы и нуждался в собственном пространстве. А Хань Жуй за эти два месяца привязался к нему мёртвой хваткой — точь-в-точь новорождённый птенец, который признал в первом встречном единственного родителя.

«Тоже мне, "мамочка" выискалась», — Синъюань передёрнул плечами, стряхивая наваждение. Сравнение было дурацким, но суть передавало верно: зависимость Хань Жуя была очевидной. Порой Синъюань думал, что дело вовсе не в какой-то особой личной симпатии. Просто Хань Жуй слишком долго был один.

Человек, изнывающий от одиночества, готов вцепиться в любую проплывающую мимо соломинку. И если уж ухватился — не разожмёт пальцы ни за что на свете.

«И что мне с тобой делать?» — Синъюань вздохнул и потёр виски.

Неподалёку на траве шумела рота: солдаты играли в «поймай мяч» и травили анекдоты. Хань Жуй сидел чуть в стороне, на самой границе круга. И хотя Чжан Шуай с Ян Сяоху честно пытались вовлечь его в общую беседу, он всё равно казался чужаком, случайно затесавшимся на этот праздник жизни.

Почувствовав на себе взгляд Синъюаня, Хань Жуй повернул голову.

В его красивых, глубоких глазах, затаивших привычную тоску, сквозило глухое одиночество.

«Разве я смогу вот так просто бросить его?» — спросил себя Синъюань.

«Что такое?» — безмолвно спросил ответный взгляд Хань Жуя.

Синъюань лишь качнул головой и ободряюще улыбнулся ему во весь рот.

«Ладно уж. Как говорится, кто, если не я. Три года пролетят — и не заметишь. А если за это время у меня получится вернуть парню веру в людей, значит, всё было не зря»

От этой мысли его улыбка стала ещё теплее.

Сидящий поодаль Хань Жуй заворожённо смотрел на эту сияющую улыбку, словно заново учился дышать.

— Разрешите войти!

— Войдите!

Шэн Синъюань открыл дверь и зашёл в канцелярию. Политический инструктор Ли сидел за столом, обложившись какими-то отчётами. В его пальцах дотлевал крошечный окурок.

Синъюань ловко извлёк из кармана припрятанную пачку дорогих сигарет «Chunghwa» и с самой угодливой миной протянул её офицеру, тут же щёлкнув зажигалкой.

— Ого! — Инструктор Ли затянулся ароматным дымом и с удивлением уставился на сигарету.

— Откуда такие богатства? Неужто заначка из дома?

— Да так... Перед отъездом родители парочку всунули, — ухмыльнулся Синъюань и гостеприимным жестом пододвинул всю пачку поближе к нему. — Я-то сам не балуюсь, а у вас вещь зря не пропадёт.

— Подлизываешься? — сощурился инструктор сквозь сизую пелену дыма.

— Ну зачем вы так сразу, товарищ инструктор! Чистая правда. Если бы не ваше чуткое руководство, разве мы, зелёные новобранцы, смогли бы так быстро освоиться?

— Ах ты шельма, — покачал головой офицер с усмешкой. — Слышал я про такую щедрость: мягко стелет, да жёстко спать. Выкладывай, чего пришёл?

Синъюань лишь виновато улыбнулся.

— Говори давай, не тяни резину.

— Да тут такое дело... — Синъюань помялся немного и заговорил тише: — Товарищ инструктор, а бывает так, чтобы бойцы из одного отделения после учебки попали в одну и ту же часть? Ну, хотя бы во взвод один?

Политический инструктор понимающе усмехнулся:

— Ты про себя и Хань Жуя?

— Кхм... Ну да, — Синъюань смущённо кашлянул. — Просто интересно стало.

— Ладно, за хорошие сигареты отвечу тебе честно и без утайки... — Инструктор Ли выдержал гроссмейстерскую паузу, заставив Синъюаня изрядно понервничать, и сочувственно выдохнул: — Без вариантов. Даже не думай.

— Но почему? — заволновался Синъюань.

— Потому что служба так устроена.

— Товарищ политический инструктор, ну сделайте милость, объясните глупому новобранцу! — Синъюань поспешно извлёк из кармана ещё одну пачку «Chunghwa» и ловко пододвинул её через стол.

Офицер затянулся, покрутил пачку в руках и задумчиво произнёс:

— Ты ведь знаешь, что мы с командиром роты У Тао из разных подразделений?

Синъюань согласно кивнул, весь превратившись в слух.

— Так вот, моё назначение в учебку — это результат долгой борьбы. Мой ротный из роты связи буквально выбил это место у командира полка. А всё потому, что наш Лао Сань... ну, командир роты У Тао, он ведь из «Железной третьей». Нас обоих откомандировали сюда с одной целью: присматриваться к новобранцам и отбирать лучших парней для своих рот.

Дело ясное. Своя рубашка ближе к телу, и каждый командир мечтает заполучить к себе лучших бойцов. Синъюань понимающе кивнул.

— Теперь понимаешь, почему я с тобой так любезен? — инструктор Ли хитро прищурился. — Ты — мой главный кандидат. Я тебя ещё в первый месяц заметил.

У Шэн Синъюаня внутри всё похолодело. Нехорошее предчувствие ледяными пальцами сжало сердце.

— А как же... Хань Жуй?

— А его наш ротный У Тао с первого дня у себя застолбил! — развёл руками Ли. — «Железная третья» — это штурмовики, разведывательная рота. Им подавай парней с бешеной «физикой», сильных, выносливых. У нас в роте связи специфика другая. Нам нужны толковые, образованные ребята, умеющие думать головой. Такие, как ты.

— И что, совсем ничего нельзя сделать? — упавшим голосом спросил Синъюань.

— Какой ещё компромисс! — Ли нахмурился, и его благодушный тон мигом улетучился. — Я тут, по-твоему, ради чего три месяца в пыли ковыряюсь? Моя задача — отобрать лучшие кадры для роты связи! И уступать тебе этому хищнику У Тао я не намерен!

У Шэн Синъюаня от этих слов буквально потемнело в глазах. Ситуация складывалась сквернее некуда.

<http://bllate.org/book/18240/1758893>